Григорій Варсава Сковорода

Любезному другу Семену Никифоровичу Дятлову

желает мира божія.

Проживая дни жизни по оному Сира?ховскому тупику?: "Блажен муж, иже в премудрости умрет и иже в разумh своем поучается святынh, размышляяй пути ея в сердцh своем, и в сокровенных ея уразумится", соплел я в сіє 1787-е лhто маленькую плетени?цу, или корзинку, нареченную "Благодарный Ерo?дій". Се тебh дар, друже! Прійми его, Ерoдіа, по-ерoдіеву, прійми парящаго и сам сый парящій. Прійми сердцем Ерoдіево сердце, птица птицу. "Душа наша яко птица". Да будет плетенка сія зерцалом тебh сердца моего и памяткою нашея дружбы в послhдняя лhта. Ты видь отец еси и сам птенцы твоя воспитуеши. Я же есмh друг твой, принесшій плетенку сію. В ней для младаго ума твоих птенцов обрящеши оп-риснок от оных хлебов: "Хлhб сердце человhку укрhпит". Всhй в них зе?рно сіє сице: яко живет средh вас нhчтось дивное, чудное, странное и преславное, имущее явитися во свое ему время. Вы же со благоговhнієм ждите, яко рабы, чающіи господа своего... Ничто же бо естh бог, то-чію сердце вселенныя; наше же сердце нам же естh господh и дух. Сіє домашнее они свое благо со временем узнав и плhнився прекрасною его добротою, не станут безобразно и бhсновато гонитися за мырскими суетами и во всhх злоудачах возмогут себе утhшити сею давидскою пhсенькою: "Возвратися, душа моя, в покой твой и стези своя посредh себе упокоят со Исаіею". Ничим же бо бездна сія сердце наше удовляется, токмо са?мо собою, и тогда-то в нем сіяет вhчная радости весна. Таковое сердце вродив птенцам твоим, будеши им сугубый, сирhчь истинный отец; чада же твоя будут истинный, благодарный, благочестивый и самодоволhный ерo?діи. Протчее же подобает нhчто сказатh о ерoдійской природh. Они подобны журавлям, но светлhйшее періе и коралловый или светло-червле?нный нос. Непримиримый враги зміям и буфонам, значит — ядовитым жабам. Имя сіє (???????) есть еллинское, значит —

боголюбный, иначе зовется (пеларго?с и ерога?с), римски — киконіа, полски — боцян, ма-лороссійски — гайстер. Сія птица освятилася в богословская гаданія своея благодарности, прозорливости и человhколюбія. Поминает ее Давид и Іереміа. Они кормлят и носят родителей, паче же престарhлых. Гнhздятся на домах, на ки?рках, на их шпи?цах и на турнях, сирічh горницах, пирамидах, теремах, вольно, вольно. В Гунгаріи видhл я на каминах. Гаданіе — еллински — символон. Первый символ составляет она сей: сидит в гнhздh, па храмh святом утвержденном. Под образом подпись такова: "Господь утвержденіе мое". Второй символ: стоит един Еродій. Подпись сія: "Ничто же сильнее благочестія". Третий символ: Еродій терзает змія. Подпись: "Не возвращуся, дондеже скончаются". Сій три символы да будут знаменіем, гербом и печатію книжицы сея. Она совершилася в первую квадру1 первыя луны очhнныя. Аминь!

"Тамо птицы возгнhздя?ться". "Еродіево жил[ище] предвод[ительствует] ими" (Псалом). "Еродій позна времяе свое" (Іереміа).

Главизна и твердь книжицы.

"Прійдите, чада, послушайте мене, страху господню научу вас" (Давид).

"Аще сердце наше не осуждает нас, дерзновеніе имамы" (Іоанн).

"Сыне! храни сердце твое, люби душу твою" (Сирах), "Разумыв праведник, себh друг будет" (Соломон).

"Человhк в чести сый не разумh..." (Давид). "Всяк дух, иже не исповедует Іисуса Христа во плоти пришедша, от бога нhсть" (Іоанн).

"Еродій позна времяе свое, Израиль же мене не позна" (Іереміа).

"Неблагодарнаго упованіе, яко иней зимный, растает и изліется, яко вода неключима" (Соломон).

ПРИТЧА, НАРЕЧЕННА ЕРОДІЙ.

В ней разглагольствует обезяна

со гиенцем Еродіевым о воспитаніи.

Обезяна, по древней своей фамиліи именуемая Пишек. Она во африканских горах на рясном и превознесенном древh со двома чад своих седмицами сидhла. В то же время пролhтал мимо младый Ородій. Госпожа Пи?шек, узphв его: — Ородій, Ородій! — воззвала к нему, — друг мой Ородій, сын пелергов! Радуйся! Мир тебh! Хатре! Салам али кюм!..2

Е р о д і й. А-а! Всемилостивая государыня! БонжурІ3 Кали? име?ра! День добрый! Gehorsamer Diener!4 Дай бог радоваться! Salve!5 Спасайся во господh!..

П и ш е к. Ай, друг ты мой! Радуюся, яко начаша глаголати многими языки. Видно, что ученый обучал тебе попугай. Куда бог несет?

Е р о д і й. Лечу за пищею для родителей.

П и ш е к. Вот бhда! Ты ли родителей, а не они тебе кормлят?

Е р о д і й. Сіє нhсть бhда, но веселіє и блаженство мое. Они кормили мене в младости моей от младых ногтей моих, а мнh подобает кормитh их при старости их. Сіє у нас нарицается аутілєХарувїу, сирhчь возблагодавать, или взаимно пеларгствовать, и еллины весь наших птиц род называют пеларгос. Но мы их не точію кормим, но и носим за немощь и старость их.

П и ш е к. Чудо преестественное!, Новость, phдкость, раритет, необыкновенность, каприз, странная и дикая дичь... Сколько вас у отца и матери чад?

Е р о д і й. Я и мнhйшій мене брат Ерогас, и сестра Киконіа.

П и ш е к. Гдh вы обучалися во отроческіи лhта?

Е р о д і й. Нигдh. Мене и брата научил отец, а мати сестру.

П и ш е к. О, мой боже! Вездh цветут славныи училища, в коих всеязычныи обучают попугаи. Для чего он вас не отдавал? Он не убог. Как быть без воспитанія?

Е р о д і й. Для того же то самаго сами нас воспитали родители.

П и ш е к. Да его ли дhло учить и воспитывать? Развh мало у нас вездh учителей?

Е р о д і й. Он сам великій к сему охотник, а мати ему во всем послhдует. Он славословит, яко двh суть главный родительскія должности сій: "Благо родить и благо научить". Аще кто ни единый от сих двоих заповhдей не соблюл, ни благо родил, ни благо научил, сей нhсть отец чаду, но виновник вhчныя погибели. Аще же родил видно благо, но не научил, таков, рече, естh полу-отец, яко же достойно есть полу-мати, чреворoдившая, но не млекопитавшая, даровавшая пол мастерства своего доилицh и погубившая половину чадолюбія. Аще-де мhсто владычнее сидhніем рабским безчестится, како не безобразится отческая должность, исправляема рабом или наемником? Буде же отец извиняется скудостію времени, прощается тогда, когда обрящет лучшее дhло. Но ничто же лучше естh благого воспитанія: ни чин, ни богатство, ни фамиліа, ни милость вельмож, развh благое рожденіе. Оно едино есть лучше всего и сего, яко chмя щастію и зерно воспитанію.

П и ш е к. Благо родитh разумhеши ли что ли?

Е р о д і й. Не знаю. Знаю же, что он сіє поставляет известным для единых избра?нных божіих. Иногда-де во убогом домикh, исполненном страха божія, друг роду человhческому благо родится человhк, не всегда же и в царских чертогах. Да уразумhем, яко не красота мыра сего, ни тварь кая-либо, но едина благодать божія благому рожденію виновна бывает и яко благородство не лhтами к нам прицепляется, но раждается зе?рно его с нами. Знаю же и сіє, яко мой отец, разъярен от коего-либо негодяя, стрhляет на его сими словами:

O quarta luna seminate!

O malo utero gestate!

O mala mens et ingenium!

Иными же словами язвить не обык никого.

П и ш е к. Протолкуй же мнh сій уязвленія.

Е р о д і й. Я силы их не знаю, а скажу один их звон:

О в четверту луну посhян!

О злh чревоноше?н матерью!

О злый у?ме и злая вродо!

П и ш е к. Конечно, отец твой знает римскій и еллинскій язык?

Е р о д і й. Столько знает, сколько попугай по-французски.

П и ш е к. Что се? Не ругаешься ли отцу твоему?

Е р о д і й. Сохрани мя, господи... Не так я рожден и воспитан. Я самую истину благочестиво сказал.

П и ш е к. Как же он, не научен римски, гово?рит римски?

Е р о д і й. Есть у его друг, нехудо знающій римски и маленьку часть еллински. С ним он, часто бесhдуя, научился сказать нhсколько слов и нhсколько сентенцій.

П и ш е к. Ах, мой боже! Как же он могл вас воспитать, невhжда сый?

Е р о д і й. О премудрая госпоже моя! Носится славная притча сія: "Не ходи в чужій монастыр с твоим уставом, а в чужую церковь с твоим типиком". У нас не как у вас, но совсhм иный род воспитанія в модh. У вас воспитаніе зhло драгое. У нас же вельми дешевое. Мы воспитываемся даром. Вы же великою цhною.

П и ш е к. Бездhлица! Сотню рубликов с хвостиком порять в год на малчика, а чрез 5 лhт вдруг он тебh и умница.

Е р о д і й. Госпоже Деньга достает и за морем. Но гдh ее взять? А воспитаніе и убогим нужно есть. И кошка блудлива не находит себh пристанища. Избавляет же от блуда нас не деньга, но молитва туне.

П и ш е к. Я говорю не о подлом, но о благородном воспитаніи.

Е р о д і й. А я размышляю не о богатом, но о спасительном воспитаніи.

П и ш е к. Полно же! Ты, вижу, старинных и странных дум придержи?шься. Однак, скажи, как он вас воспитал? Чему научил? Арифметикh ли и геометрій? Ученому ли коему или шляхетному язы?ку?..

Е р о д і й. Да мнh и сіє невhдомо: кто есть ученый, а кто-то шляхетный язык.

П и ш е к. Да ты же со мною привитался разными язы?ками.

Е р о д і й. Да сколько же сказалося, столько и знаю, не больше.

П и ш е к. По крайней мhph та?нчить или играть на лютню...

Е р о д і й. А бог з вами! Я и на балалайку, не только на цымбалах не умhю.

П и ш е к. Ха! Ха! Хе! Ему лютня и цымбали все одно. И сего-то не знает. Но, друг мой! Музыка великое врачевство? во скорбех, утhха же в печали и забава в щастіи. Да чего же он тебе научил? Скажи, пожалуй!

Е р о д і й. Ничего.

П и ш е к. Умора, ей-ей! уморил ты мене смhхом... Так, так-то у вас воспитывают?

Е р о д і й. Так!

П и ш е к. Может быть, достал тебh чинок?

Е р о д і й. Ни!

П и ш е к. Может быть, деньгу вам велику собрал или имhніе?

Е р о д і й. Ни!

П и ш е к. Так что же? Роги золотыя вам на головh возрастил, что ли?

Е р о д і й. Родил и возрастил нам посребре?нныя крила, ноги, попирающие главы зміев, нос, разстерзающій оныя. Се наша и пища, и слава, и забава!

П и ш е к. Да у вас же крила черныя, по крайней мhph смуглыя.

Е р о д і й. Черныя видh, но лhтают путем посребре?нным.

П и ш е к. Чего же либо научил вас, однак: нелзя не так. Конечно, есть что-то, на сердце вам напечатанное. Родители суть божій, чада же суть родительскій список, изображеніе, копіа. Как от яблони соки во вhтвы своя, так родительскій дух и нрав преходит в чада, дондеже отлу?чатся и нововкоренятся.

Ародій. Рожденнаго на добро не трудно научить на добро, хоть научить, хоть навычить, хоть извычить. Хоть ученый, хоть звычайный, хоть привычный есть то же. От природы, яко матери, легесенько спhет наука собою. Сія есть всеродная и истинная учительница и единая. Сокола вскорh научишь лhтать, но не черепаху. Орла во мгновеніе навычишь взирать на солнце и забавляться, но не сову. Еленя легко исправишь на Ка?вказныя горы, привлечешь пить без труда из чистhйших нагорных водотечей, но не велблюда и не вепра. Аще всяческая строит премудрая и блаженная натура, тогда како не едина она и исцhляет и научает? Всякое дhло спhет, аще она путеводствует. Не мhзшай только ей, а если можешь, отвращай препятсівія и будьте дорогу ей очищай; воистину сама она чисто и удачно совершит!. Клубок сам собою пото?чится из горы: отними только ему препятствующій претыканія камень. Не учи его котиться, а только помагай. Яблони не учи родить яблока: уже сама натура ее научила. Огради только ее от свиней, отрhжь волчцы?, очисти гусенh, отврати устремляющуюся на

корень ея урынуб и протчая. Учитель и врач — нhсть врач и учитель, а только служитель природы, единственныя и истинныя и врачебницы, и учшельницы. Буде кто чего хощет научитися, к сему подобает ему родитися. Ничто же от человhк, от бога же вся возможна суть. Аще же кто дерзает без бога научить или научиться, да па?мятует пословицу: "Волка в плуг, а он в луг". Доколh колцо висит из ноздрей свиніи, дотолh не роет. Выйми же, паки безобразит землю.

Сіє нhсть воспитаніе и нhсть ученіе, но обузданіе, от человhческія помощи происходящее, вchх беззаконников управляющее. Воспитаніе же истекает от природы, вливающія в сердце chмя благія воли, да помалу-малу, без препятствій возрасши, самовольно и доброхотно дhлаем все тое, еже свято и угодно есть пред богом и человhки. Коликое идолопоклонство восписывать человhческим наукам и человhческим языкам воспринесить и воспрпчитать воспитаніе? Кая полза ангелскій язык без добрыя мысли? Кій плод тонкая наука без сердца благого? Развh, еже орудіе злобы, бhшенству меч и притчею сказать "крила и роги свиніи". Воззрим, госпоже моя, на весь род человhческій! У них науки, яко же на торжищах купля, киплят и мятутся. Обаче, они хищнhе суть птиц, невоздержнhе скотов, злобнhе звhрей, лукавhе гадов, безпокойнhе рыб, невhрнhе моря, опаснhе африканских пhсков... Чего ради? Того ради, яко злh ро?дятся. Природа благая естh всему начало и без нея ничто же бысть, еже бысть благо. Благодарю убо неизреченным образом богу во образh его святом, во отцh моем, яко благо от его родитися сподобил мя есть. Вторая же икона божія нам есть мати наша. Сего ради главным божіим дарованіем одарен чрез родителей моих; все протчее человhческое:чин, богатство, науки и вch вhтроносныи их блонды и пукли с кудрями вмhняю во хвост, без коего голова и живет, и чтится, и веселится, но не хвост без головы.

П и ш е к. Убо что ли есть благо родитися и благая природа есть что ли?

Е р о д і й. Благая природа и врода есть благое сердце.

П и ш е к. Что ли есть сердце благое?

Е р о д і й. Сердце благое есть то же, что приснотекущій источник, точащій чистыя вhчно струи, знай, мысли.

П и ш е к. Что ли суть мысли?

Е р о д і й. Chмя благих дhл.

П и ш е к. Дhла же благая суть что ли?

Е р о д і й. Добрыи плоды, приносиміи богу, родителям, благодhтелям в честь, славу и жертву.

П и ш е к. Зачем же мнh сердце твое не видно?

Е р о д і й. Thм, что древеснаго корня не видишь.

П и ш е к. А ведь вся влага от кореня?

Е р о д і й. От сердца же вch совhты.

П и ш е к. Как же твоя природа или врода? К чему ты рожден или врожденное тебh, что ли? Скажи, молю!

Е р о д і й. Благодарность — вот вам начало и конец моего рожденія!

П и ш е к. Ах, мой боже! И ты на сем одном храмину щастія основал? Тако ли?

Е роді й. Ей-ей! Тритысящолhтная пещь неопално соблюла притчу сію; "Много хитростей знает лис, а еж одно великое".

П и ш е к. Но может ли от дождевных безгодій спасти сія, так сказать, куртая и куцая куртинка?

Е р о д і й. Довлhет, как ковчег.

П и ш е к. Мнh кажется, сія надежда есть паучинная одежда.

Е р о д і й. И мнh видится малым червончик, но тайно там много сидит гривень.

П и ш е к. Сего же то ли единаго учит тебе твой отец?

Е р о д і й. Единаго точію сего. Он родил мнh крила, а я сам научился лhтать. Он вродил мнh благое сердце, я же самовольно навыкаю и глумлюся, сирhчь забавляюся благодарностію. Он только часто отсекает мнh волчцы?, разумhй, поступки мои, не сличныи благодаренію, орошает бесhдою, оживляющею ко благодарности. Всh же бесhды его, как магнитная стрhла в сhверную точку, праволучно поражают в сей кон: неблагодарная воля — ключ адских мученій, благодарная же воля есть всhх сладостей рай. Сыне (часто вопіет на мене), сыне мой! Ей, учися единыя благодарности. Учися, сидяй в дому, летяй путем, и засыпая, и просыпаясь. Ты рожден еси благо, и сія наука есть дщерь природы твоея. Да будет она тебh сладчайшим и вечерним, и ранним, и обhдним куском! Знай, что всh протчія науки суть рабыни сея царицы. Не буди буій! Не хватайся за хвост, минув голову. Пріемли и обращай все во благо. Да будет душа твоя желудком птиц, кои пhсок, черепашины и камушки обращают себh варенiем крhпкаго своего внутренняго жара в питательный свои соки. Неблагодарная и ропотливая душа есть то же, что бо?льный желудок, гнушающійся всякія пищи. Благодарность же есть твердь и здравіе сердца, пріемлющаго все во благо и укрhпляющагося. Плоды блаженныя жизни суть радость, веселіє и удовольствіе; корень же их и древо благолиственное есть тишина сердечная, а кореню зе?рном есть благодарность. Она ест дух чистый, тихий, благодушный, благовонный,

весна и ведро свhтлаго смысла. Не трещит там молнія и гром. Вопреки же, все терніе и волчцы раждаются от несытыя піявицы зависти, завить же от ропота, ропот же от неблагодарныя воли, наполнившія сердечное нhдро неусыпаемым червіем, безпереривно денно и нощно душу гризущим. Ах! Дhти мои, дhти! Вот вам надежда и гавань! Еухаристіа.

П и ш е к. А что ли сіє слово значит (еухаристіа)?

Е р о д і й. Еллины сим словом называют благодареніе.

П и ш е к. И так сим-то образом вас учит ваш отец? Кому же вы сіє благодареніе ваше воздавать будете?

Е р о д і й. Богу, родителям и благодhтелям. Оно богу жертва, родителям честь, а благодhтелям воздаяніе. Обладатели суть первый благодhтели.

П и ш е к. Чудная форма воспитанія. У нас бы осмhяли из ног до головы вас. Гдh сія мода? Развh в Лунh или в дикой Америкh?

Е р о д і й. Отец наш вельми страннаго сердца. Из тысящи сердец едва одно найти, согласное ему.

П и ш е к. Так что же протчее?

Е р о д і й. Так не дивитеся чудной формh.

П и ш е к. Как же так? Видь не должно отставать от людей, а люде и мода одна то.

Е р о д і й. О! о! Он то сея думы далечае, нежели китайская столица от португалскія. Он нам часто-пречасто сію притчу спhвает:

По мосту, мосточку с народом ходи,

По разуму ж его себе не веди.

За жуком ползая, влhзешь и сам в глинку.

Он всегда благовhстит нам, что мода тожде есть, что мыр, мыр же есть море потопляющихся, страна морового язвою прокаженных, ограда лютых львов, острог плhненных, торжище блудников, удица сластолюбная, пещь, распаляющая похоти, пир бhснующихся, лик и коровод пяно-сумозбродных и не истрезвлятся, дондеже изнурятся, кратко сказать, слhпцы за слhпцем в бездну грядуще. Блажен муж, иже не идет на путь его. В началh видь врата его красны и путь пространный, конец же его — непроходимая пропасть, нетре?нная дебря, бездна глубока. Ах, каковых он пріемлет к себh? Каковыми же паки отпущает от себе юнош? Если бы ваше, дhти мои, око прозирало так, как мое, показалися бы и в ваших очах слезы. Но око ваше есть слhпо, и злодhй ваш хитр, сіє источает мнh слезы. О юноши! Когда помышляю о вас, в мыр устремляющихся, нелзя, чтоб не пала мнh во ум притча о волкh, кой, пожерши матерь незлобных агнцов и надhв кожу ея на себе, приближился к стаду. Сын же, увидhв мнимую матерь свою, со всhх сил устремился к ней, а за ним безчисленныи. Також-де мнh приходят на память наша братія — птицы тетерваки?, ганяющіися за изобиліем пищи и уловляемый. Но чайки, сосhдки и дятлы бережливhе их столько, сколько елени и сайгаки овец и волов. Послушайте, дhти, отца вашего пhсеньки сея:

Будь доволен малым. За многим не гонися.

Chти, простерты на лов,— вельми бережися.

Я вам предсказываю — роскошно не жити!

На таковых-то всегда запинают chти.

Триста пали в неволю по гарячей страсти,

Шестьсот плачут в болhзнях за временны сласти.

Кто благодарен богу, тот малым доволен,

А ропотник всhм мыром не сыт и не полен.

Благодарная душа избежит от chти;

Вмhсто же ея в chти попадет несытый.

Не правду ли я сказал, госпоже моя, что отец наш нравоученіе всегда печатлhет благодарностію? Во благодарности (рече) так сокрылося всякое благо, как огнь и свhт утаился во кремешкh. Bhрую и исповhдую. Кто бо может возложить руки на чуждое, аще не прежде погубит благодарность, довольствующуюся собственным своим посылаемым ей от бога? Из неблагодарности унынiе, тоска и жажда, из жажды — зависть, из зависти — лесть, хищенiе, татьба, кровопролитiе и вся беззаконiй бездна. В бездnh же сей царствует вhчная печаль, смущенiе, отчаяніе и с неусыпным червiем удка, увязшая в сердце. Сим образом живет весь мыр.

П и ш е к. Но, друг мой, поколь мыр впадет в ров отчаянiя, вы с вашею богинею, благодарностію, прежде погибнете от глада, не научившися сыскать мhсто для пропитанiя.

Е р о д і й. Так ли? В сем-то ли блаженство живет? Ймhть пропитаніе? Вижу убо нынh, что по вашей желудковой и череватой философiи блаженнhйшая есть засаженная в тюрму, нежели вольная свинья.

П и ш е к. Вот он! Чорт знает что поет! Развh же голод то не му?ка?

Е р о д і й. Сію му?ку исцhлит мука?.

П и ш е к. Да гдh же ее взять?

Е р о д і й. Когда свинія имhет, как ли нам не достать пищи? Да и гдh вы видите, что свинія или наш брат, тетервак, от глада умирает? Но от прожорства или умирает, или страдает. Может ли быть безуміє безумнhйшее и мерзостнhйшая неблагодарность богу, промышляющему о нас, как бояться глада? Нужнаго видь никто не лишается. Почто клевещете на владыку вселенныя, аки бы он гладом погублял своих домочадцов? Пища насущна от небеснаго отца всhм подается тваря?м. Будь только малым доволен. Не жажди ненужнаго и лишняго. Не за нужным, но за лишним за? море пловут. От ненужнаго и лишняго — всякая трудность, всяка погибель. Всякая нужность видь есть де?шева и всякая лишность есть до?рога. Для чего дорога и трудна? Для того, что не ну?жна и напротив того. Мы гайстры есмы. Ямы зеліе, вкушаем зерно, поядаем змій, phдко снhдаєм буфоны и пищи никогда не лишаемся; только боимся прожорливости. О боже! Кая чародhйка ослhпила очи наши не видhти, что природная ну?жда малою малостію и малским малым удовляется и что необузда?нная похоть есть тожде, что питливая піявица, раждающая во един ден тысящу дщерей, никогда же рекших: "Довл?ет!>

П и ш е к. Отрыгну слово еллинское ??????? (мала эй) или турское пек эй.— "Вельми? добph". "Благо же!" Но питливая піявица разноо? бразно из околичностей может видь помалу-малу насосать себh многаго добреца, но уже сухая ваша, немазаная, по пословицh, и нhмая благодарность, скажи, молю, кія? вам принесет плоды? Чино?к ли, или грунтик, или имперіалик, что ли? Скажи, умилосердись!

Е р о д і й. Она нам не приносит многих плодов, но един великій.

П и ш е к. В одном не много видь добраго найдешь.

Е р о д і й. Отец наш словословит, что все всяческое, всякая всячина и всякая сплетка, соплетающая множество, нhсть блаженая; токмо блаженное есть едино тое, что единое точію есть. Но сем едином, сего же ради и святом, птица обрhте себh храмину и горлица гнhздо себh; еродіево же жилище предводителствует ими. "Окаянен (рече) всяк человhк есть и всуе мятется, не обрhтшій единое".

П и ш е к. Да подай же мнh в руки оное твое единое!

Е р о д і й. Премудрая и цhломудрая госпо?же! Наше добро во огнh не горит, в водh не тонет, тля не тлит, тать не крадет. Как же вам показать? Я единосердечен отцу есмь и в том, что щастія и нещастія нелзя видетh. Обоє сіє дух есть, простhе сказать — мысль. Мысли в сердцh, а сердце с нами, будьте со своими крылами. Но сердце нивидное. Ведро ли в нем и весна, и брак или война, молнія и гром,— не видно. Отсюду-то и прелщеніе, когда нещасных щасливыми, вопреки же, блаженных тво?рим бhдными.

П и ш е к. Однак я ничему не вhрю, поколь не ощупаю и не увижу. Таковая у мене из младых лhт мода.

Е р о д і й. Сія мода есть слhпецкая. Он ничему не вhрит, поколь не ощупает лбом стhны и не падет в ров.

П и ш е к. По крайней мhрh назови именем духовное твое оное едино. Что ли оно?

Е р о д і й. Не хочется говорить. Певно, оно вам постылою покажется пустошью.

П и ш е к. Здhлай милость, откpой! Не мучи.

Е р о д і й. Оно еллински именуется — ????? или ??????????? 7 (эвфросина).

П и ш е к. Но протолкуй же, Христа ради, что значит сія твоя харя?

Е р о д і й. Будете видь смhяться.

П и ш е к. Что ж тебh нужды? Смhх сей есть пріятельскій.

Е р о д і й. Оно есть веселіє и радость.

П и ш е к. Ха! ха! ха! ха!.. Христа ради, дай мнh отдохнуть... Уморишь смехом... Здравствуй же и радуйся, гол да весіол! Ты мнh сим смhхом на три дня здравія призапасил.

Е р о д і й. Для мне видь лучше веселіє без богатства, нежели богатство без веселія.

П и ш е к. О мати божая, помилуй нас!.. Да откуду же тебh радость сія и веселіє? Оттуду, что ты гол? Вот! в какую пустошь ваша вас приводит благодарность. Хорошо веселиться тогда, когда есть чем. Веселіє так, как благовонное яблочко. Оно не бывает без яблони. Надежда есть сего яблока яблонь. Но не тве?рда радостh, вhтренно веселіє есть что ли? Пустая мечта — мече?тна пустыня, соніе востающаго.

Е р о д і й. Воистину тако есть. Всяк тhм веселится, что обожает, обожает же тое, на что надhется. Павлин надhется на красоту, сокол на быстроту, орел на величество, еродій же веселится тhм, что гнhздо его твердо на единh. Порицаете во мнh тое, что я гол да весіол. Но сіє же то самое веселит мене, что моя надежна надhжа не на богатствh. Надhющійся на богатство в кипящих морских волнах ищет гавани. Радуюся и веселюся, яко гнhздо наше не на сахарном ліодке?, не на золотом пhскh, не на буяном возкh, но на облачном столпh возлюбленнаго храма, красящаго всю кифу, кифу адамантову, святаго Петра кифу, ей же врата адова вовhк не одолhют. Впротчем, в кую суету наша нас вводит благодарность? Не клевещите ее. Она никогда не

низводит во врата адова. Она избавляет от врат смертных. Благодарность входит во врата господня, неблагодарность во адская, возлюбив суету мыра сего паче бысерей, иже суть заповhди господни, и путь нечестивых, аки свинія блато, предизбравшая паче пути, им же ходят блаженны непорочный. Что бо ест оный бог: "В них же бог мыра сего ослhпил разумы"? Бог сей есть неблагодарность. Всh духом ея водимый, аки стадо гергесенское, потопляются во езерh сует и увязают во блатh своих тлhнностей, ядуще вся дни живота своего и не насыщающеся, жаждущіи, ропотливы и день от дня неблагодарны; понеже бо не искусиша божія заповhди имhти в разумh и презрhли вкусити ангелскаго сего хлhба, услаждающаго и насыщающаго сердце; сего ради предаде их вышній во свинныи мудрованія искати сытости и сладости там, гдh ея не бывало, и боятися страха, идh же не бh страх, дабы из единыя несытости 300 и из единыя неблагодарности 600 родилося дщерей во истомленіе и мученіе сердцам и тhлесам их и во исполненіе Исаиных слов: "Сами себh ражжегосте огнь вожделhній ваших, ходите убо во пламенh огня вашего и опаляйтеся". Не гордость ли низвергнула сатану в преисподнюю бездну? Она изгнала из рая Адама. Что убо есть рай? Что ли есть благовидная свhтлость высоты небесныя, аще не заповhди господни, просвhщающія очи? Что же паки есть гордость, аще не бhсовская мудрость, предпочитающая драгоцhнныя одежды, сластныя трапезы, свhтлыя чертоги, позлащенныя колесницы и аки бы престол свой поставляющая вышше скиптра и царствія божія, вышше воли и заповhдей его? Не только же, но и всh служебный духи (разумhй, науки мырскія) возносятся и возсhдают вышше царицы своея, вышше божія премудрости. Кто есть мати сих блядивых и презорливых бhсиков? — гордость. Гордости же кто мати? — зависть. Зависти же кто? — похоть. Похоти же кто? — неблагодарность. Неблагодарности же кто? — никто! Тут корень и адское тут дно. Сія адская душка, жаждна утроба, алчная бездна, рай заповhдей господних презрhвшая, никогда же ничим же удовляется, дондеже живет, пламенем и хврастіем похотей опаляется, по смерти же го?phe жжется угліем и жупелем своих вожделhній. Что бо есть сердце, аще не пещь, горящая и дымящая вhчно? Что же паки есть смерть, аще не от снов главный сон? Беззаконную бо душу, не спящую видь во

внутреннем судилищh, зерца?лом, тайно образующим живо беззаконія, тайно уязвляет свhжая память, во снh же го?phe ужасными ме?чтами, страшными привидhній театрами и дикоо?бразными страшилищами смущает и мучит таяжде вhчности памятная книга, грозящи достойною местю. Из неблагодарнаго сердца, аки из горнила вавилонскаго, похотный огнь пламенными крилами развhваяся, насиліем сердце восхищает, да, яже наневидит, та?яжде и творит и thмижде мучится. Ничто же бо есть вhчная мука, токмо от самаго себе осуждатися, быти достойным мести. Гphх же достоинством, аки жалом, уязвляет душу, покрывающей тмh и находящу страху. Надлhтает же страх оттуду, яко помыслы, не обрhтая помощи, аки гавани, и не видя ни малаго свhта надежды; помышляя, ужасаются, разсуждая, недоумhвают, како бы улучити исход злоключенію... Отсюду раскаеваются без ползы, болят без отрады, желают без надежды. Вот сей есть исход сердцу неблагодарну!

П и ш е к. Уа! Как балалайку, наладил тебе твой отец. Бряцаешь не вовся глупо. Для мене мило, что сердце есть то же, что пещь.

Е р о д і й. Всякое сердце есть жертвенник, огнище или каминок...

П и ш е к. Что же ты замолк?

Е р о д і й. Желаніе есть то неугасаемый огнь, день и нощь горящій. Дрова суть то вся, желаемая нами. Сіє горнило и сія бездна — угліе огненное, куреніе дыма восходящія до небес и нисходящія до бездн пламенныя волны вhчно изблевает, са?ма сущи морских бездн и ширина небес вchх. Тут-то слично подобает сказать святаго Іси?дора слово. "О человhче! Почто дивишься высотам звhздным и морским глубинам? Внійди в бездну сердца твоего! Тут-то дивися, аще имаши очи". О, глубокое сердце человhку, и кто познает его? О, сердце и воля, безпредhльный и безконечный аде!

П и ш е к. Видь же и твое сердце горит, и курит, и дымится, кипит, клокощет, пhнится. Так ли?

Е р о д і й. Со?дома видь горит, курит и протчая, сирhчь неблагодарное сердце. О вchх бо неблагодарных пишется: "Горе им, яко в путь Каинов поидоша..." Но не вch же суть сердца? Каиновы. Суть и Авелевы жертвенники благовонныи, яко кадило дым, возвhвающіи во обоняніе господа вседержителя. Не вhсте ли, госпоже моя, яко пеларгіянскій род есмы, раждаемый ко благодарности? Сего ради и от человhк благочестивый нашим именем знаменаются (еродіос), божіе бо благоуханіе есмы. Не воздаєм безумія богу, тщаніем не лhнивы, духом горяще, господе?ви работающе, упованіем радующеся, скорби терпяще, в молитвах пребывающе, о всем благодаряще, всегда радующеся.

П и ш е к. Развh же у вас благочестіе и благодарность есть тожде?

Е р о д і й. Развh же то не тожде есть: благое чествовать и благій дар за благо почитать? Благочестіе чествует тогда, когда благодарность почтет за благое. Благочестность есть дщерь благодарности. Благодарность есть дщерь духа вhры. Тут верх... Вот вам Араратска гора!

П и ш е к. Признаюся, друже, что сердце мое нудится дивитися сердцу, неописанной (по глаголу твоему) бездhh. Оно мнh час от часу удивителнhе. Слово твое дhйствует во мнh, будьто жало, впущенное в сердце пчелою.

Е р о д і й. Сего ради ублажаю вас.

П и ш е к. О чем?

Е р од і й. О том, что ваше желаніе, или аппетит, начал остритися ко единой сладчайшей и спасителнhйшей со вchх пищей пищh. Как денница солнце, так и сіє знаменіе ведет за собою здравіе. Недужной

утробh мерзка есть ядь самая лучшая и яд для нея. Здравое же и обновленное, яко орляя юность, господем сердце преображает и яд в сладкополезну ядь. Кая спасителнhе пища, как бесhда о богh? И всh гнушаются. Что горестнhе есть, как пароксизмами мырских сует волноватися? И всh услаждаются. Откуду сія превратностh? Оттуду, яко глава у них болит. Бо?льны, послhды же ме?ртвы, и нhсть Елиссея сих умонеду?жных и сердобольных отроков воскресити. Что бо есть в человhкh глава, аще не сердце? Корень древу, солнце мыру, царь народу, сердце же человhку есть корень, солнце, царь и глава. Мати же что ли есть болящаго сего отрока, аще не перломатерь, плоть тhла нашего, соблюдающая во утробh своей бысер оный: "Сыне, храни сердце твое!" "Сыне, даждь мнh сердце твое!" "Сердце чисто созижди во мнh, боже!" О блажен, сохранившій цhло цhну сего маргарита! О благодарносте, дщерь господа Саваофа, здравіе жизнь и воскресеніе сердцу!

П и ш е к. Пожалуй, еще что-либо поговори о сердцh. Вельми? люблю.

Е р о д і й. О любезная госпо?же моя! Повhрьте, что совершенно будете спокойны тогда, когда и думать и бесhдовать о сердцh не будет вам ни омерзhния, ни сытости. Сей есть самый благородный глум. Любители же его нареченны — "царское священіе".

П и ш е к. Для чего?

Е р о д і й. Для того, что вся протчая дhла суть хвост, сіє же ест глава и царь.

П и ш е к. Ба! А что значит глум? Я вовся не розумhю. Мню, яко иностранное слово, сіє.

Е р о д і й. Никако. Оно есть ветхославенское, значит то же, что забава, еллински (????????? — діатріба), сирhчь провожденіе времени.

Сей глум толико велик, яко нарочито бог возбуждает к нему: "Упразднитеся и уразумhйте", толико же славен, яко Давид им, яко же царским, хвалится: "Поглумлюся в заповhдех твоих". Древле един точію Израиль сею забавою утhшался и наречен язы?ком святым, протчіи же языцы, гонящіи и хранящіи суетная и ложная,— псами и свиніями. Сей царскій театр и дивный позор всегда был присный и неразлучный вchм любомудрым, благочестивым и блаженным людем. Всякое позорище ведет за собою скуку и омерзhніе, кромh сего; паче же сказать: чем болhе зрится, тhм живhе рвется ревность и желаніе. Елико внутреннhе отверзается, толико множайшая и сладчайшая чудеса открываются. Не сей ли есть сладчайшій и несытый сот вhчности? Мыр несытый есть, яко не удовляет. Вhчность несыта, яко не огорчает. Сего ради глаголет: "Сыне, храни сердце твое". Разжевав, скажите так: "Сыне, отврати очи твои от сует мырских, перестань примhчать враки его, обрати сердечное око твое во твое же сердце. Тут дhлай наблюденія, тут стань на стражh со Аввакумом, тут тебh обсерваторіум, тут-то узриш, чего никогда не видал, тут-то надивишься, насладишься и успокоишься".

П и ш е к. Но для чего, скажи мнh, вch сердце презирают?

Е р о д і й. Для того, что вch его цhны не презирают. Сердце подобно царю, во убогой хижинкh и в разh живущему. Всяк его презирает. А кому явилося величествіе его, тот, пад ниц, раболhпно ему покланяется и сколь можно, все презphв, наслаждается его и лица и бесhды. Слово сіє: "Сыне, храни сердце твое" — сей толк и сок утаева?ет. Сыне! не взирай на то, что твое тhлишко есть убогая хижинка и что плоть твоя есть плетка и тканка простонародная, по?ртище подлое, слабое и нечистое. Не суди по лицу ничего, никого ни себе. В хижинкh той и под убогою тою одеждою найдешь там царя твоего, отца твоего, дом твой, ковчег его, кифу, гавань, петру и спасете твое. Быстро только храни, блюди и примhчай. А когда паки Давид гово?рит: "Поглумлюся в зап[овhдех] твоих" — не то же ли есть, что сказать так: "Наслаждуся твоего лица, словес твоих, совhтов и повелhній"? Самое видь величествіе его неизреченно удивляет прозорливца. Не пустый видь вопль сей: "Исповhмся тебh, яко страшно удивил мя еси". В древняя

лhта между любомудрыми востал вопрос сей: "Что ли есть наибольшее?.." О сем вch размышляли чрез долгое время, лhтом и зимою, нощію и днем. Породилися о сем книги. Отдавалося от ученых гор по всей вселеннhй многое многих отвhтов и разногласное эхо. Тогда-то размhсишася и сліяшася языцы. Востал язык на язык, голова на голову, разум на разум, сердце на сердце... В сем столпотвореніи обрhтеся муж нhкій, не ученый, но себе прозрhвшій. Сей, паче надежды, обезглавил Голіафа. Смутилася и воскипhла вся мусикія, поющая пhсни бездушному истукану, тлhнному сему мыру, со златою его главою — солнцем. Злоба правдh прирази?лась, но о кифу вся разбилась. Востали борющія волны, но побhду достала славна сія слава: "Посредh (рече) вас живет то, что превышше всего есть". О боже, коль не слична мусикія без святаго духа твоего! И коль смhхотворна есть премудрость, не познавшая себе! Сего ради молю вас, любезная госпо?же моя, не смhйтеся и не хулите отца моего за то, что ничего нас не научил, кромh благодарности. Я стану плакать, утеку и полечу от вас.

П и ш е к. Постой, постой, любезный мой Еродій. Нынh не только не хулю отца твоего, но и благословлю и хвалю его. Нынh начало мнh, аки утро зарыть, тако открыватися, коль великое дело есть благодарность! Сотвори милость, еще хотя мало побесhдуй.

Е р о д і й. О добродhйко моя! Пора мнh за моим дhлом лhтhть.

П и ш е к. Друже мой сердечный! Я знаю, что отец твой есть милосердая и благочестивая душа, не разгнhвается за сіє.

Е р о д і й. Чего ж вы желаете?

П и ш е к. Еще о сем же хоть мало побесhдуем.

Е р о д і й. Станем же и мы ловить птицу тысячу лhт.

П и ш е к. Что се ты сказал?

Е р о д і й. Вот что! Hhкій монах 1000 лhт ловил прекраснhйшую из вchх птиц птицу.

П и ш е к. Знал ли он, что уловит?

Еродій. Он знал, что ее вовhки не уловит.

П и ш е к. Для чего ж себе пусто трудил?

Е р о д і й. Как пусто, когда забавлялся? Люде забаву купуют. Забава есть врачевство и оживотвореніе сердцу.

П и ш е к. Вот развh чудный твой глум и дивная діатриба?!

Е р о д і й. Воистину чудна, дивна и прекраснhйша птица есть вhчность.

П и ш е к. О! Когда вhчность ловил, тогда не всуе трудился. Bhрую, что она слаже меда. Посему великое дhло есть сердце, яко оно естh вhчность.

Е р о д і й. О любезная мати! Истину рекла еси. Сего толикаго дара и единаго блага слhпая неблагодарность, не чувствуя за 1000 бездhлиц, всякій день ропщет на промысл вhчнаго и сим опаляется. Обратися, окаянное сердце, и взглянь на себе самое — и вдруг оживотворишься. Почто ты забыло себе? Кто отверзет око твое? Кто воскресит память твою, блаженная бездно? Како воля твоя низвергнула тебе во мрачную сію бездну, преобразив свhт твой во тму? Любезная мати, разумhете ли, откуду родится радуга?

П и ш е к. А скажи, пожалуй, откуду? Я не знаю.

Е р о д і й. Когда смотрит на себе в зарца?лh пречистых облачных вод солнце, тогда его лице, являемое во облаках, есть радуга. Сердце человhческое, взирая на свою самую ипостась, воистину раждает предhл обуреваній, иже есть радостная оная дуга Ноева:

Пройшли облака,

Радостна дуга сіяет.

Пройшла вся тоска,

Світ наш блистает.

Веселіє сердечное есть чистый свhт ведра, когда миновал мрак и шум мырскаго вhтра.

Дуга, прекрасна сіяніем своим, како ты нынh отемнhла? Деннице пресвhтлая, како нынh с небесе спала еси? Ау! Низвергла тебе гордость, дщерь безчувственныя неблагодарности, предпочетшая хобот паче главы, chнh преходящу паче мамврійскаго дуба. Еже бо кто обожает, в то себе преображает. Удивительно, како сердце из вhчнаго и свhтлаго преображается в темное и сокрушенное, утвердившися на сокрушеніи плоти тhла своего. Таков, аще себh зол, кому добр будет? "Разумивый же праведник себh друг будет и стези своя посредh себе упокоит". Сіє есть истинное, блаженное самолюбіе — ймhть дома, внутрь себе, все свое некрадомое добро, не надhяться же на пустыя руги и на наружныя околицы плоти своея, от самаго сердца, аки тhнь от своего дуба, и аки вhтвы от корене, и аки одежда от носящаго ее, зависящая. Вот тогда-то уже раждается нам из благодарности матерh подобная дщерь, еллински именуемая ??????????? (автаркhя), сирhчь самодовольность, быть самым собою и в себh довольным, похваляемая и превозносимая, яко слад-чайшій истиннаго блаженства плод, в первом Павловом письмh к Тимофею, в стихh 6-м так: "Есть снисканіе веліе — благочестіе с доволством". Вот вам два голубиная крила? Вот вам двh денницы! Двh

дщери благодарности — благочестность и самодоволность. "И полещу и почію". Да запечатлhется же сія бесіда славою отца моего сею: главизна воспитанія есть: 1) благо родить; 2) сохранить птенцеви младое здравіе; 3) научить благодарности.

П и ш е к. Ба! На что ж ты поднял крила?

Е р о д і й. Прощайте, мати. Полечу от вас. Сердце мое мнh зазирает, что не лечу за дhлом.

П и ш е к. По крайней мhрh привитайся з дочерьми моими.

Е р о д і й. Здhлайте милость! Избавте мене от вашего типика.

П и ш е к. Мартушка моя поиграет тебh на лютнh. Вертушка запоет или потанчит. Они чрез верх благородно воспитаны и в модh у господ. А Кузя и Кузурка любимы за красоту. Знаешь ли, что они пhсеньки слагают? И вhришь ли, что они в модh при дворh у Марокскаго владhлца? Там сынок мой пажем. Недавно к своей роднh прилетhл оттуда здешній попугай и сказал, что государь жалова?л золотую табакирку...

Е р о д і й. На что ему табакирка?

Пише к. Ха-ха-ха! На что? Наша видь честь зависит, что никто удачнhе не сообразуется людям, как наш род. Носи и имhй, хоть не нюхай. Знаешь ли, как ему имя?

Е р од і й. Не знаю.

П и ш е к. Имя ему Пhшок. Весьма любезное чадо.

Е р о д і и. Бога ради, отпущайте мене!

Пише к. Куда забавен скакун! Как живое сребро, всhми составами мает. Принц любит его, цhлые часы проводт с ним,забавляясь.

Е р о д і й. О сем его ни ублажаю, ни завижу. Прощайте!

П и ш е к. Постой, друг мой, постой! А о благом рожденіи не сказал ты мнh ни слова? Так ли? О-о, полетhл! Слушай, Вертушка! Что-то он, поднимаясь, кажется, скачал...

В е р т у ш к а. Он сказал, матушка сударыня, вот что: о благом рожденіи принесу вам карту.

П и ш е к. А когда же то будет?

Еродіи не лгут. Он в слhдующем мhсяцh маh паки посhтил сію госпожу. Принес о благом рожденіи свиток, но не мог ничем се утhшить: толь лютая терзала ее печаль. Никогда жесточае не свирhпhет печаль, как в то время, когда сердце наше, основав надhжду свою на лживом морh мыра сего и на лжекамнях его, узрит, наконец, опроверже?нное гнhзно свое и разоряющійся град ложнаго блаженства. Господин Пhшок, прескакивая из окна на окно, упал на двор из горних чертогов, сокрушил ноги и отставлен от двора. Сверх того, старшія дщери начали безчинствовать и хамским досаждепіем досаждать матерh. Вскоре она у?мре, дом же стал пуст. Тогда, аки желhзо на водh, восплыла на верх правда, яко силнhе всего есть страх божій и яко благочестивая и самодовольная благодарность превосходит небо и землю.

Еродій, отлhтая, повhсил на цвhтущем фнникh лист сей:

СВИТОК

о благом рожденіи чад ради благочестивых,

сострастных и здравых родителей.

Chй в перву и втору луну, сирhчь в квадру,

Chй, изшед из пиров и бесhд священных.

Зphв мертвеца или страшен позор не chй

Заченшей сверх не chй Не в мhру пян не chй.

Заче?нша да носит в мыслях и в позорах святых,

И в бесhдах святых, чужда страстных бурей,

В тихом безстрастiи во зphнiи свягых.

Тогда собудется: "И пройде дух хлада тонка и тамо бог" (Книга Царств).

По сем гайстер вознесся выспрь, воспhвал малороссійску пісенhку сію:

Соловеєчку, сва?тку, сва?тку!

Че бывал же ты в садку, в садку?

Че видал же ты, как chют мак?

Вот так, так! Chют мак.

А ты, шпачку, дурак...

Сію пhсенку мальчики, составив лик, сирhчь хор, или коровод, домашній его пhвчій во увеселеніе спhвали святому блаженому єпископу Іосафу Горленку.

А м и н h.

1 [Quadra] — чверть (лаг.).

2 XCITQE есть поздравленіе еллинское — радуйся! Салам — турское. Славянски — мир да будет тебh! Прим. Ск.

3 Бонжур — французское — добрый день! Кали? име?ра — грецкое слово — то же. Прим. Ск

4 Gehorsamer Diener — нhмецкое — покорный слуга. Прим. Ск.

5 Salve (салуе) — римское — благоденствуй! Спасайся! Прим. Ск.

6 [Urina] —сеча (лат.).

7 Радість (грецьке).